

ленные Верню, как и имена с nbw, преобладают в надписях из Фив и Верхнего Египта южнее Ахмима. В таблице ниже собраны сведения о географическом проис-

хождении памятников с рассматриваемыми титулами (в скобках указан процент памятников с тем или иным титулом от общего числа памятников региона):

Титул	Элефантина	II–III номы В. Е.	Гебелейн	Фиванская область	V–VII номы В. Е.	VIII ном В. Е.	Антеополь	Средний Египет	Мемф.-Файюмский регион	Дельта
wr-mḏw-šmꜥw	0	2	2	16 (11%)	1	1	0	0	6 (2%)	0
s3b r3-nḥn	0	1	1	6 (4%)	1	0	0	0	0	0
hrj-tm	0	2	1	10 (7%)	1	0	0	0	2 (1%)	0
ḥkrt nsw	0	0	1	6 (4%)	2	0	0	0	1 (0%)	0
b3kt nt ḥk3	0	2	2	1 (1%)	1	0	0	0	0	0

Таким образом, употребление этих титулов может рассматриваться как один из индикаторов происхождения владельца из Верхнего Египта.

У. Хэйс предполагал, что имена, образованные от имени бога *ḥntj-ḥtj*, которые часто встречаются в записях папируса Brooklyn 35.1446, лишенных географических отсылок (в данной работе использованы лишь те записи этого папируса, в которых происхождение людей указано явно), можно связать с Гебель-эс-Сильсолой [6, р. 16]. Помимо этого папируса никаких иных сведений о широком распространении подобных имен в Верхнем Египте нет. В 1970 году П. Верню собрал имена с элементом *ḥntj-ḥtj*, встречающиеся в источниках Среднего царства. Проанализировав их географическое происхождение, он пришел к выводу, что они были распространены прежде всего в Среднем и Нижнем Египте [11, р. 162, 165–166] (мои наблюдения это подтверждают). Их распространение в этом регионе было связано с культом Хентихети в Атрибисе (южная Дельта) [13, р. 367–416].

В заключение хотелось бы отметить, что полученные в работе результаты не позволяют безусловно относить обладателей выделенных имен к тому или иному региону. Для получения надежных атрибуций требуется сочетание нескольких характерных имен или иных признаков на одном памятнике.

1. Берлев О. Д., Ходжа С. И. Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Каталог. – М., 2004. 2. Ильин-Томич А. А. Имя Хахеперасенеба // Проблемы истории и культуры Древнего Востока. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Григория Максимовича Бонгард-Левина. – М., 2010. – С. 45–48. 3. Ильин-Томич А. А. Памятники жителей Антеополя в Абидосе конца XII–XIII династии: признаки и общие черты // Петербургские египтологические чтения 2009–2010. Доклады. – СПб., 2011 (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 55). – С. 92–102. 4. Fischer H. G. The Transcription of the Royal Name Pepy // Journal of Egyptian Archaeology. – 1989. – Vol. 75. – P. 214–215. 5. Franke D. Das Heiligtum des Heqaib aus Elephantine: Geschichte eines Provinzheiligtums im Mittleren Reich. – Heidelberg, 1994 (Studien zur Archäologie und Geschichte Ägyptens. 9). 6. Hayes W. C. A Papyrus of the Late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum. Papyrus Brooklyn 35.1446. – S. I., 1955. 7. Il'in-Tomich A. A Twelfth Dynasty Stela Workshop (Possibly from Saqqara) // Journal of Egyptian Archaeology (в печати). 8. Postel L. Notes sur les prosynèmes à Amon-Rê dans la nécropole thébaine au Moyen Empire // Memnonia. Bulletin édité par l'Association pour la Sauvegarde du Ramesseum. – 2000. – T. 11. – P. 227–240. 9. Quirke S. Titles and Bureaux of Egypt 1850–1700 BC. – London, 2004 (Golden House Publications. Egyptology. 1). 10. Simpson W. K. The Terrace of the Great God at Abydos: The Offering Chapels of Dynasties 12 and 13. – New Haven–Philadelphia, 1974 (Publications of the Pennsylvania-Yale Expedition to Egypt. N. 5). 11. Vernus P. Sur une particularité de l'onomaistique du Moyen Empire // Revue d'égyptologie. – 1970. – T. 22. – P. 155–169. 12. Vernus P. Une formule des shaouabtis sur un pseudo-naos de la XIIIe dynastie // Revue d'égyptologie. – 1974. – T. 26. – P. 100–114. 13. Vernus P. Athribis. Textes et documents relatifs à la géographie, aux cultes et à l'histoire d'une ville du Delta égyptien à l'époque pharaonique. – Le Caire, 1978 (Bibliothèque d'étude. T. 74).

Надійшла до редколегії 13.03.12

С. Карпюк, д-р ист. наук, вед. научн. сотр.
(г. Москва, Россия)

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР В "ИСТОРИИ" ФУКИДИДА

В статье рассматривается влияние жизненного пути Фукидида на описание исторических событий.

The article deals with the influence of Thucydides' biography upon his description of historical events.

Влияние перипетий жизненного пути на труд историка – обычная, можно сказать, тривиальная тема научных исследований, причем не только тех, которые посвящены изучению античной исторической традиции. Фукидид – не исключение: ученые многократно и пытались восстановить (насколько это возможно) его биографию, и стремились найти следы ее влияния в тексте "Истории" Фукидида. Впрочем, поиск этих следов был сконцентрирован на двух темах: (1) Фукидид и Перикл и (2) Фукидид и Клеон [9, с. 204–209; 6, с. 455–458; 11, с. 220–237; 7; 12]. Можно разве что добавить еще (3) личный опыт историка, пережившего эпидемию чумы [4; 10, с. 87–108]. Важность всех этих тем сомнению не

подлежит: очевидно, что в молодости будущий историк испытал огромное влияние и личности, и идей Перикла [8]. Также не подлежит сомнению, что изгнание Фукидида из родного полиса, очевидно, инициированное Клеоном, наложило неизгладимый отпечаток на описание деятельности этого демагога в "Истории". Но этими темами биографический фактор в труде Фукидида не исчерпывается. В настоящей статье будет сделана попытка обратиться к другим моментам и деталям биографии великого историка, которые отразились в его труде. Это: (1) фракийское происхождение Фукидида; (2) тот факт, что стратег Фукидид потерпел неудачу под Амфилолем именно в зимнее

© Карпюк С., 2012

время. Характерно, что оба этих момента специально исследователями творчества Фукидида не рассматривались.

(1) Сначала остановимся на общеизвестных фактах о происхождении Фукидида. Фукидид, сын Олора (Thuc. IV, 104, 4), из Галимунтского дема – таково полное имя знаменитого историка. Само имя его отца может свидетельствовать о его фракийском происхождении, причем происхождении из царского рода (Hdt. VI, 39). Отец Фукидида был назван в честь фракийского царя Олора. Конечно, в значительной части случаев иноземные имена афинских граждан вовсе не предполагали иноземных предков, а были, скорее, свидетельством ксенических отношений родителей. Однако в данном случае это очевидно не так: никакие ксенические отношения не могут объяснить того, что Фукидид владел во Фракии наследственным правом на аренду рудников, и, вместе с тем, пользовался определенным политическим влиянием в этом регионе (Thuc. IV, 105, 1). Кроме того, наблюдения Фукидида об экономике Фракии (Thuc. II, 97), мифах фракийцев (Thuc. II, 39) и дикости фракийцев (Thuc. VII, 29, 3), о поражении, которое потерпели греческие поселенцы от фракийцев под Драбеском (Thuc. I, 100, 3) совсем не похожи на домыслы стороннего наблюдателя, поверхностно знакомого с предметом.

Посмотрим на "генеалогическое древо" великого историка. Наряду со знаменитыми афинскими политическими деятелями-аристократами (Мильтиадом Младшим, Кимоном, Фукидидом, сыном Мелесия) мы обнаруживаем фракийского царя Олора, пра-правнуком которого он и являлся. Этот факт можно считать и совершенно незначимым для характеристики жизненного пути и взглядов историка, если бы не другие факты его биографии, не менее существенные. Поздний биограф Маркеллин сообщает о том, что его мать звали Гегесипилой (Marcell. Vita Thuc. 2) и что женой Фукидида была тоже фракиянка (Marcell. Vita Thuc. 19). Пусть это поздняя версия, придумка биографа, чьи сведения не вызывают доверия современных исследователей. Хотя косвенные подтверждения факту "фракийского брака" историка найти можно – его дочь после смерти отца, возможно, жила во Фракии.

Каков же был источник богатства семьи Фукидида и самого историка? Очевидно, этот источник не находился в самих Афинах: после обвинительного приговора 423 г., сопровождавшегося изгнанием из родного города, и, как можно обоснованно предположить, конфискацией имущества, Фукидид никаких материальных затруднений не испытывал. В изгнании он разъезжал по Греции, отдав всё свое время написанию труда.

В вытеснении персов из Северной Эгеиды афинским флотом и силами афинян и союзников большая роль принадлежала Кимонидам (вспомним и неудачную экспедицию Мильтиада Младшего после Марафонской победы) и, прежде всего, самому Кимону, которому историк Фукидид приходился внучатым племянником. В своем труде Фукидид, сразу после успеха Кимона при Евримедонте, описывает отпадение Фасоса от Афин (в 466/5 г.) и его подчинение афинянами (в 463/2 г.) (Thuc. I, 100, 1–2; 101, 3), а также неосуществленную попытку спартанцев помочь фасосцам (Thuc. I, 101, 1–2).

Неудивительно, что после утраты персами контроля над Фракией Кимон смог через свое влияние и личнo-династические связи установить контроль над рудниками. Не исключено, что Фукидид в какой-то мере мог выступать как "наследник" влияния Кимона, и право аренды фракийских рудников – результат этого влияния. Другая возможность – через жену историка, тоже фракиянку, о которой сообщает Маркеллин: "Женился

Фукидид на фракиянке из Скаптегилы, женщине очень богатой и владевшей во Фракии приисками" (Marcell. Vita Thuc. 19).

Так что источник богатства Фукидида – право на аренду золотых рудников во Фракии, которую Фукидид, возможно, делил с фракийскими вождями. Сам историк с определенностью утверждает о принадлежавшем наследственным праве на аренду фракийских рудников (возможно, Пангейских) и вытекающем из этого политическом влиянии во фракийском регионе (Thuc. IV, 105).

Фукидиду не пришлось в голову вкладывать речи в уста фракийского вождя, он был хорошо осведомлен (как и Ксенофонт) о дикости нравов фракийцев. Этим, возможно, объясняется особо эмоциональное описание резни, которую устроили фракийские наемники в греческом городе Микалессе (Thuc. VII, 30). Однако породниться с фракийской знатью зазорным Фукидид не считал.

(2) Обратимся теперь к тем сложным чувствам, которые историк питал к зиме (подробнее: [1, с. 14–22]). Слово *kheimon* ("зима") – одно из наиболее часто встречающихся в труде Фукидида, который делил год на лето (*theros*) и зиму (*kheimon*), считая подобное деление важным усовершенствованием традиционной хронологии и своим личным вкладом в развитие исторической мысли (Thuc. V, 20, 2–3). В "Истории" Фукидида не содержится четкого определения лета или зимы; нет там и развернутой критики традиционной системы хронологии по годам [5, с. 1]. Однако, если присмотреться повнимательнее, фукидидовская *kheimon* обозначает скорее не время года, а период военных действий, зимнюю кампанию, в противоположность летней. Собственно говоря, *kheimon* – это период неблагоприятных погодных условий с частыми дождями и более редкими снегопадами, характерный для средиземноморского климата с ноября по февраль, "низкий сезон" военных действий. Оно зафиксировано в так называемом "втором вступлении": "Вернее исследовать события по периодам времени, не отдавая предпочтения перечислению имен лиц должностных или иных, облеченных теми или иными почетными должностями в каждом государстве, по которым обозначаются прошлые события. Такое исчисление неточно, так как то или иное событие имело место в начале, середине или в какой-нибудь другой срок службы такого лица. Напротив, ведя счет по летним и зимним кампаниям (*kata there de kai kheimonas arithmon*), как это сделано у меня, и считая каждую из этих кампаний за половину года, можно насчитать десять летних и столько же зимних кампаний (*deka men there, isous de kheimonas*) в этой первой войне" (Thuc. V, 20, 2–3) (использован русский перевод [2], с некоторыми изменениями).

Несмотря на провозглашаемую точность усовершенствованной историком хронологии, в действительности она не слишком точна. Из приведенного выше "теоретического" пассажа следует, что зима составляет половину года (шесть месяцев), в других местах она представляется как треть года (четыре месяца): так, афинский полководец Никий жаловался, что экспедиционный корпус в Сицилии на четыре зимних месяца будет отрезан от Афин (Thuc. VI, 21, 2). Соответственно и весна (*ear*), и осень (*phthinoporon*) для Фукидида – часть лета, точнее, летней кампании (*theros*) [5, с. 6]. Граница между двумя "основными" временами года достаточно была условна и часто сдвигалась историком, исходя из стилистических либо композиционных соображений.

При этом, несмотря на частое упоминание зимы, описание самих зимних холодов – крайне редкое явление.

ние в "Истории" Фукидида. В этой связи можно разве что упомянуть косвенное упоминание о трудностях афинян при осаде Потидеи (Thuc. II, 70, 1–2), зимнее отступление фракийского вождя Ситалка из Халкидики (II, 101, 5–6), прорыв пелопоннесской блокады платейским отрядом зимой (Thuc. III, 22, 1 sqq.), успешный зимний марш-бросок Брасида на Амфиполь (Thuc. IV, 101, 1 sqq.) и, в какой-то мере, описание грозы во время зимнего сражения в Сицилии (Thuc. VI, 70, 1). Знаменательно, что историк, несмотря на явную приверженность гомеровской лексике, ни разу не употребил слова *khion* (с "снег"), и только дважды – глагол *hyponeiphein* ("немного] снежить, идти [о снеге]") [3, s.v.].

Можно с полной уверенностью утверждать, что Фукидид, сын Олора, у которого были немалые связи во Фракии, который обладал правом разработки золотых рудников на Фасосе и долгое время жил на греческом севере ("в зимней стране"), неоднократно сталкивался с зимними холодами и морозами. И нельзя сказать, что они были совершенно несущественным фактором при ведении военных действий. Уж, во всяком случае, афинские демократы под водительством Фрасибула должны были благодарить судьбу или Зевса за тот восхитительный снегопад зимой 404/3 г., который не позволил ополчению "тридцати правителей" отбить захваченную Фрасибулом Филу (Xen. Hell. II, 4, 3). В чем же тогда причина почти полного умолчания о холодах и морозах в труде Фукидида?

Нужно обратиться к анализу фукидидовского описания стремительного наступления Брасида на Амфиполь, который привел к сдаче города спартанцам зимой восьмого года войны (424/3 г.). Это событие резко повлияло как на политическую карьеру, так и на всю биографию Фукидида.

Итак, двигаясь от Халкидики к Амфиполю, Брасид "...после обеда продолжал путь ночью. Была зима, и шел снег; ввиду этого Брасид и продвигался быстрее (*kheimon de en kai hypeneiphen he kai mallon hormese...*)" (Thuc. IV, 103, 1–2). Сам Фукидид сразу после этого смог поспешно (*kata takhos*) передислоцировать свою эскадру с острова Фасос в Эйон при отсутствии какой-либо бури на море (Thuc. IV, 104, 5).

Соответственно в пятом параграфе той же главы, вопреки мнению большинства переводчиков, речь идет о зиме, а не о буре: "...Ему [Брасиду. – С.К.] способствовала и измена, и зимняя пора (*hama de kai kheimonosontos*), и неожиданность штурма" (Thuc. IV, 103, 5). Фукидид не ожидал столь быстрого зимнего броска Брасида на Амфиполь. Хотя именно от Брасида афинский стратег мог бы ожидать подобного пренебрежения "правилами игры". За пять лет до рассматриваемых событий в начале зимы третьего года войны (429/8 г.) Брасид в числе других пелопоннесских военачальников планировал нападение на Пирей; и, хотя оно не достигло цели, спартанцам удалось опустошить остров Саламин (Thuc. II, 93–94).

Возможно, афинский стратег Фукидид хорошо запомнил зимнюю неудачу Ситалка, но не зимнюю попытку Брасида. Потому-то он и оставался на Фасосе, в непозволительном отдалении от театра военных действий; активные военные действия зимой, под снегом, в "суровой стране" Халкидике (Thuc. II, 70, 2) представлялись ему маловероятными.

Афинский историк Фукидид стремился, если не оправдать, то объяснить оплошность стратега. Введение "зимней кампании" как хронологической единицы было как раз к месту: стратег действовал правильно, согласно традиции, а Брасид нарушил ее, отступив от обыч-

ного порядка ведения войны. Как отступили от него и оказавшиеся в безвыходном положении платейцы, прорвавшие пелопоннесскую блокаду города именно зимой, под снегом и по тонкому льду, когда холодная вода во рву доходила им до горла (Thuc. III, 22–23). При этом не стоит подозревать Фукидида в необъективности, в злонамеренной "подгонке" описания событий под некую абстрактную схему: в своем повествовании он неоднократно упоминал военные действия именно в зимний период.

Фукидидовское деление года на зимнюю и летнюю кампании было достаточно искусственным, и не прижилось в древнегреческой историографии. Показательно, с какой легкостью избавляется от этого деления продолжатель Фукидида Ксенофонт в своей "Греческой истории". Вначале ученик еще как-то пытался следовать мэтру: "На другой год афиняне окружили стеной Форик..." (Xen. Hell. I, 2, 1); "и вот пришла зима (*kai kheimon ereei*)", в течение которой сиракузские военнопленные бежали из заточения (Xen. Hell. I, 2, 14). Лексические различия между Фукидидом и Ксенофонтом очевидны: понятие "летней кампании" Ксенофонт не использует изначально, заменяя "лето" "годом", да и зима в дальнейшем быстро исчезает из датировочных характеристик.

Из всего вышесказанного напрашивается вывод о том, что биографический фактор играл большее значение в труде Фукидида, чем обычно предполагают исследователи, сконцентрировавшиеся по большей части на изучении враждебного отношения основателя научной историографии к демагогу Клеону. Объективность Фукидида, как и объективность любого другого историка, не могла быть абсолютной. Однако Фукидид сумел сделать так, что его собственные личные побуждения и пристрастия не превалировали в описании событий. Но от их проявлений он избавиться, как и любой другой представитель античной историографии, да и любой другой историк вообще, он избавиться не смог (или не хотел?).

Субъективный импульс Фукидид использовал для написания первого научного (по большому счету, и в современном понимании) исторического труда, и тем поддал пример многим поколениям историков. "Великая война", современником которой он стал, стала несчастьем для всей Греции, но побудила историка собирать факты; крах военно-политической карьеры привел его к мысли написать исторический труд; неготовность стратега-Фукидида воевать зимой, под снегом, привела к отходу от анналистической схемы описания событий и выделения летних и зимних кампаний. Т.е. субъективизм Фукидида парадоксальным образом стал фундаментом его объективности.

1. Карпюк С.Г. Зима и зимние кампании в "Истории" Фукидида // Вестник древней истории. – 2006. – № 3. – С. 14–22.
2. Фукидид. История / Пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева под ред. Э.Д. Фролова. – СПб., 1999.
3. Bétant E.A. Lexicon Thucydideum. – Vol. 1–2. – Hildesheim, 1961.
4. Connor W.R. The New Politicians of Fifth-century Athens. – Princeton, 1971.
5. Craik E.M. Thucydides on the Plague: Psychology of Flux and Fixation // Classical Quarterly. – 2001. – 51.1. – P. 102–108.
6. Gomme A.W. A Historical Commentary on Thucydides. – Vol. II. – Oxford, 1956.
7. Gribble D. Individuals in Thucydides // Brill's Companion to Thucydides / Ed. A. Rengakos, A. Tsakmakis. – Leiden–Boston, 2006. – P. 439–468.
8. Nikolai W. Thucydides und die perikleische Machtpolitik // Hermes. – 1996. – Bd 124. – S. 246–281.
9. Podlecki A.J. Pericles and His Circle. – London, 1998.
10. Raaflaub K. Thucydides on Democracy and Oligarchy // Brill's Companion to Thucydides / Ed. A. Rengakos, A. Tsakmakis. – Leiden–Boston, 2006. – P. 189–222.
11. 204–209 – о Перикле и Клеоне.
12. Thomas R. Thucydides' Intellectual Milieu and the Plague // Brill's Companion to Thucydides / Ed. A. Rengakos, A. Tsakmakis. – Leiden–Boston, 2006. – P. 87–108.
13. Vogt J. The Portrait of Pericles in Thucydides // Thucydides (Oxford Readings in Classical Studies) / Ed. J.S. Rusten. – Oxford–New York, 2009. – P. 220–237.
14. Westlake H.D. Individuals in Thucydides. – Cambridge, 1968.